

В. А. Банн. **Гносеологическая и правовая природа предмета доказывания в советском уголовном процессе**, вып. 1. Изд-во Башкирского ун-та, 1975, 96 с.; **Структура предмета доказывания в советском уголовном процессе**, вып. 2. Изд-во Башкирского ун-та, 1976, 80 с.

Предмет доказывания относится к числу сложных и актуальных проблем в советском уголовном процессе. Не случайно на ее решение направлены усилия многих ученых-процессуалистов. Комплексному ее исследованию посвящены и оба выпуска рецензируемого учебного пособия, представляющего собой, в принципе, две части одной работы. В ней показывается становление и развитие взглядов на предмет доказывания, анализируются имеющиеся в литературе точки зрения о понятии последнего, раскрывается его природа и формулируется определение, рассматриваются структура предмета доказывания, а также содержание отдельных его элементов.

Работу отличает новизна в постановке ряда вопросов. Вместе с тем автор выдвигает и спорные положения, допускает неточности. Прежде всего сомнительно центральное положение книги — что предмет доказывания объединяет факты преступления, преступника и уголовный закон (с. 92). По существу речь идет об объединении в одном понятии идеальной законодательной конструкции, схемы предмета доказывания и его познавательного образа (с. 27—28). В результате предмет доказывания предстает в виде схематизированной системы-образа, которая, с одной стороны, относительно стабильна, а с другой, изменяется в зависимости от личного видения следователя, прокурора и т. п. (с. 77—78). В результате затруднено уяснение не только правовой сущности предмета доказывания, но и природы уголовно-процессуального познания в целом, роли и значения субъективного восприятия, в нем смешивается (а не устанавливается соотношение) объективное и субъективное, материальное и процессуальное.

Диалектика соотношения объективного и субъективного в праве такова, что оно (право) признается независимым от каких-либо субъективных установок, на что, впрочем, указывает и сам автор (с. 32—36, 62). Но раз это так, то, «в процессе пользования правом и применения его норм оно не изменяется по воле применяющего»,¹ а значит не меняется и предмет доказывания. Не колеблет данный вывод и суждение автора, что «системные представления не остаются и не могут оставаться неизменными в ходе расследования или судебного разбирательства» (с. 73). Изменение представления об обстоятельствах дела в ходе доказывания естественно, ибо познание в уголовном процессе, как и познание вообще, есть переход от неполного, неточного знания к более полному и

объективному. Естественна и неизменность законодательной конструкции предмета доказывания. Видимо, здесь следует различать идеальное отображение действительности в законе и субъективное ее восприятие следователем, прокурором, судьей в образах, отражающих уровень доказанности обстоятельств дела в каждый конкретный момент судопроизводства. В какой мере представления об обстоятельствах дела не колеблют реального их существования, в такой эти представления не могут изменить и абстрактное их обозначение.

Аргументируя свою позицию, В. А. Банн утверждает, что изменение предмета доказывания происходит путем перегруппировки компонентов системы, которую он образует (с. 78). Имеются в виду следующие компоненты (группы обстоятельств): 1) предусмотренные нормой уголовного права в качестве элементов состава преступления; 2) уголовно-иррелевантные; 3) процессуально препятствующие дальнейшему расследованию дела либо позволяющие принять альтернативное решение в силу уголовного или уголовно-процессуального закона (с. 76). Познание этих обстоятельств, полагает В. А. Банн, проходит два этапа. Первый — исследование, в ходе которого определяется значение той или иной группы обстоятельств для обоснования полученных данных. Второй — доказывание, начало которого связано с установлением преобладающего значения какой-либо группы обстоятельств (с. 70—71, 75—76).

Разграничивая исследование и доказывание, автор опирается на этимологическое различие данных терминов (с. 70). Верно, различие есть. Но оно вызвано тем, что каждый из названных терминов характеризует познание с разных сторон. И в этом смысле исследование протекает как обоснование, а обоснование как исследование. Вероятно, не случайно в философской литературе указывается, что «само исследование доказательно»,² а в юридической подчеркивается, что обоснование — свойство, сторона всего познания в уголовном процессе.³

Противоречива, впрочем, и позиция В. А. Банина, полагающего, «что лишь только убедившись в правильности того или иного вывода, следователь, лицо, производящее дознание, приступают к его обоснованию, доказыванию» (с. 76). Однако доказать, значит убедить в истинности чего-либо доводами.⁴ Налицо противоречие, устранить которое, видимо, можно только отказавшись от разделения познания в уголовном судопроизводстве на исследование и доказывание. Кроме того, в процес-

² Элез И. Проблемы научного метода. М., 1964, с. 140.

³ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 289.

⁴ См.: Дель В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1978, с. 455.

¹ Недбайло П. Е. Объективное и субъективное в праве.—Правоведение, 1974, № 1, с. 22.

суальной литературе исследованию придается значение проверки, одного из элементов доказывания (познания), наличие которого определяет все стадии уголовного процесса.

Нечетко и положение о целостности предмета доказывания (с. 65—67). С одной стороны, обладая качествами целостности, предмет доказывания включает все перечисленные компоненты (с. 65, 76), с другой — доказыванию подлежит только один из них (с. 76), что едва ли соответствует действительности. Привлекая лицо в качестве обвиняемого, следователь должен быть убежден в его виновности. Следуя рассуждениям автора, в дальнейшем он уже может доказывать только обстоятельства, установление которых требует ст. 68 УПК РСФСР. Однако закон не исключает оправдания и обвиняемого и подсудимого (ст. ст. 208, 309, 349 УПК РСФСР), а следовательно, и доказывания соответствующих обстоятельств несовершенного преступления в той мере, в какой это необходимо для обеспечения справедливого наказания виновных и непривлечения к уголовной ответственности невиновных.

Разрешается данное противоречие следующим образом. С точки зрения В. А. Банина, задачи уголовного судопроизводства должны экстраполироваться на событие преступления (с. 64), а обстоятельства, установление которых требуется для решения соответствующих задач, выясняются именно в таком событии (с. 81). Более того, на с. 92 прямо утверждается, что возбуждение уголовного дела есть реакция юрисдикционного органа на «действительно совершенное преступление». Однако и это не вносит ясности. По существу В. А. Банин приходит к выводу о возможности в событии преступления установить невиновность лица, его совершившего. Остается только уяснить, как это сделать.

Во второй части работы характеризует ся каждый из компонентов предмета доказывания. В частности, анализируя п. 1 ч. 1 ст. 68 УПК РСФСР (событие преступления), автор подчеркивает, что «законодатель здесь имеет в виду установление обстоятельств, характеризующих все элементы состава преступления, а не некоторые из них» (с. 15). Как видно, он не разграничивает обстоятельства предмета доказывания, которые тем самым теряют качественную определенность, что едва ли обоснованно.

Спорно понимание такого требования ст. 68 УПК РСФСР, как доказывание виновности обвиняемого в совершении преступления и мотивов преступления. По мнению автора, понятия «вина» и «виновность» не тождественны, причем виновность рассматривается как вина в доказательственном аспекте, основанная на конкретных фактах, в которых она находит отражение, т. е. как доказанность совершения конкретным лицом конкретного преступления (с. 37—38). Выходит, нужно доказывать доказанность. Аналогичным образом обстоит дело и с недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления (с. 56—59).

К числу обстоятельств, подлежащих доказыванию, В. А. Банин неправоммерно относит отсутствие состава преступления (с. 51—56). Установление наличия или отсутствия признаков состава преступления в деянии не входит в непосредственную задачу уголовно-процессуального доказывания. Это задача юридической квалификации, которая осуществляется на базе установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Касаясь обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, В. А. Банин, присоединяясь к высказанному в литературе предложению о дополнении п. 3 ст. 15 Основ уголовного судопроизводства СССР, справедливо указывает на необходимость доказывания тождества личности обвиняемого (с. 68). Заслуживает поддержки мысль о том, что обстоятельства, способствующие совершению преступления, не представляют собой какой-то обособленной группы, оторванной от других элементов предмета доказывания (с. 73). Напротив, они могут относиться и к событию преступления, и к обстоятельствам, характеризующим личность обвиняемого. Подобное их понимание практически значимо, поскольку ориентирует соответствующие государственные органы и должностных лиц на выяснение обстоятельств, способствующих совершению преступления, не отодвигая это, как еще случается на практике, на самый конец расследования.

Несмотря на ряд спорных положений и противоречий, работа выполнена в целом на должном уровне и, как показывает опыт, оказалась полезным учебным пособием.

А. В. Смирнов, Н. Г. Стойко